

Предлагаем вниманию читателей (если, конечно, кто-то читает летом нашу газету!) фрагмент из книги воспоминаний "Мгновения", написанной американской балериной **Тамарой ЖЕВОЙ** (1906—1997). Она родилась в Санкт-Петербурге в семье известного коллекционера, искусствоведа и мецената, директора Театрального музея Левкия Ивановича Жевержеева. Училась у Евгении Павловны Соколовой (1850—1925), среди учениц которой были М. Ф. Ксешинская, А. П. Павлова, Т. П. Карсавина, потом — в частной школе солиста Мариинского театра Александра Ивановича Чекрыгина (1884—1942), а также в Петроградском балетном училище. Первая попытка поступить туда была неудачной: администрация, саботировавшая распоряжение правительства о необходимости допустить в училище учеников частных школ, "завалила" Жевержееву на том основании, что она в шесть лет перенесла туберкулез и имела рубец на легком. Тогда отец отправил ее в Москву поступать в училище при Большом театре...

Через пару лет Тамара вышла замуж за Георгия Баланчивадзе, а в 1924-м вместе с ним и еще двумя танцовщицами уехала за рубеж. Некоторое время они выступали в труппе Дягилева. Там Георгий стал Джорджем Баланциным. А Тамара вскоре уехала в Америку, выступала в балетах и мюзиклах, снималась в кино. Жева — ее сценический псевдоним.

В Москву мы прибыли довольно поздно. Я была заранее предупреждена, что на вокзале меня встречать не будут, так как точное время прибытия поезда было неизвестно. Мне надо было нанять извозчика, чтобы доехать до квартиры Маяковского. С трудом протолкавшись сквозь вокзальную толпу, я вышла на улицу и, пройдя один квартал, нашла извозчика. В Петрограде эти маленькие экипажи были редкостью, но Москва, уже ставшая столицей, опережала нас во многих отношениях.

После архитектурного великолетия Петрограда Москва поразила меня своим безобразием. Тяжелая, лишенная единого стиля, она выглядела так, будто была слеплена на скорую руку миллионом разных строителей, нисколько не заботившихся о какой-либо гармонии.

Экипаж остановился перед невзрачным домом. В папиной записке был указан третий этаж. Я поднялась по лестнице, подошла к двери со старомодным колокольчиком и дернула за шнурок...

Мне открыл мужчина в кожаной куртке. "Здравствуйте, — сказал он. — Входите. Добро пожаловать. Моя фамилия Брик".

Я успела мельком заметить, что он был коренаст и носил очки с толстыми стеклами. И мое внимание тут же переключилось на дальний конец комнаты. Там среди громоздившихся на полу стопок книг, домашних растений в горшках, инструментов, коробок и каких-то непонятных предметов сидели за столом мужчина и женщина. На столе весело пылел самовар, кругом были расставлены разные блюда, и в кувшине стоял большой яркий букет весенних цветов.

Женщина отличалась поразительной красотой. Ее медно-рыжие блестящие волосы были зачесаны назад, что подчеркивало красивую бледность ее кожи и совершенную форму головы и шеи. Классически безупречное лицо оттеняли миндалевидные глаза, столь темные, что казались черными. Их взгляд был бархатистым.

Сидевший рядом с ней мужчина был обнажен до пояса. Когда он вскочил на ноги, я увидела, что у него рост за метр девяносто и царственная осанка.

"Привет, малыш! — пророкотал он низким, звучным голосом. — А мы уже заждались. Я Маяковский, а это Лиля, моя повелительница. Она также жена вон того дурака. — И он указал на человека в очках. — Мы живем здесь вдвоем. Теперь картина тебе ясна. Садись. Рад тебя видеть!" — и он придвинул к столу еще один стул.

Мужчина в очках, похоже, не обратил ни малейшего внимания на то, что его назвали дураком. Прекрасная женщина восприняла это словоизвержение с полной безмятежностью, а я, должно быть, выглядела так, как чувствовала себя, — полной дурой.

Это побудило Маяковского пуститься в дальнейшие разъяснения. "Не удивляйся, девочка, — сказал он. — Все очень просто. Я люблю Лилу и Брик тоже. По правде говоря, в Лилу влюблены все мужчины. Достаточно взглянуть на нее, чтобы потерять голову. А Лилия любит нас обоих, хотя, подозреваю, она предпочитает меня. Разумеется, он хотел бы убить меня, но не смеет. Да и зачем делать кого-то несчастным?! Мы избавились от прежних табу и теперь свободны любить кого хотим и как хотим. Понятно?"

Я кивнула, ничего не поняв.

"А теперь ешь, — продолжал он. — Ты, наверное, проголодалась. Лилия, наполни тарелку этой юной особы деликатесами, не предназначенными для простых вкусов пролетариата. Только дочь такого человека, как твой отец, достойна отведавать этой амброзии".

"Как прошла поездка?" — спросила Лилия, но прежде чем я успела ответить,

Маяковский вновь разразился длинной тирадой.

"А как она могла пройти? Разумеется, ужасно, просто кошмарно. В нашей стране ничего не работает. Бражка еще не настоялась. Но, пожалуйста, имейте терпение. Нам суждено стать первыми удачливыми политическими алхимиками".

Передо мной поставили тарелку с лапшой и салат из огурцов и положили черный хлеб.

"Ешь, ешь, — настаивал Маяковский. — Ты будешь есть, а я — говорить. Я люблю говорить".

"Это правда", — улыбнулась Лилия. Ее, казалось, ничто не могло вывести из равно-

Доски судьбы Балет, сирень, Маяковский

весия. В ней ощущалась божественная невозмутимость, спокойное сознание собственной власти. Теперь к нам за столом присоединился и Брик.

Сравнивая двух мужчин, я почувствовала, что Маяковский был прав, утверждая, что Лилия отдала предпочтение ему. У него было красивое, благородное, живое лицо. И если мне когда-либо доводилось видеть полное бесстрашие, то оно светилось в его глазах, ясных и чистых, как у ребенка. Они, казалось, говорили, что бояться нечего и нечего скрывать.

Лилия Брика являла полную противоположность. Оно не было уродливым, но природа тут не особенно потрудились: прячушиеся за очками глазки, плотно сжатые губы, нос с как бы срезанным кончиком, низкий лоб под вьющимися волосами. И еще — необъяснимо — от него исходило какое-то ощущение угрозы. Мне чуть не подвело меня — позже я узнала, что он занимал высокий пост в ЧК.

Маяковский продолжал говорить, а я слушала и разглядывала комнату. У одной стены стояли два перевернутых вверх колесами велосипеда, поперек дивана было брошено несколько платьев, а на них лежало два стула. Повсюду валялись чемоданы и коробки.

"Так, значит, ты решила посвятить себя искусству Терпсихоры! — гремел Маяковский. — Похвально, весьма похвально. Лично я предпочитаю искусство словотворчества. Слова — это душа бытия, дети мысли. — Тут он перестал выражаться столь высокопарно. — А как поживает твой отец? Он чудный человек. Надеюсь, ты ценишь его".

Я заверила его в полном почтении к отцу и рассказала о его астме. Он встревожился. Не мог бы он чем-то помочь? Нет, сказала я, обо всем уже позаботились.

Еда и тепло этих двух людей, Лили и Маяковского, согрели меня и помогли расслабиться, и теперь начала сказываться мучительно долгая поездка. У меня буквально закрывались глаза.

"Во сколько у тебя экзамен?" — спросила Лилия.

"Завтра в десять", — ответила я, еле воячая языком.

"Тогда тебе нужно немедленно лечь спать".

Она отвела меня в ванную, где я умылась. Затем вышла со мной из квартиры и позвонила в колокольчик у другой двери на той же площадке.

"Москва переполнена, — объяснила она, пока мы ждали, что нам откроют.

— У нашей приятельницы есть хороший большой диван. Тебе там будет удобно. Нам самим тесновато. Мы только что переехали в эту квартиру. Разумеется, Брик мог бы получить для нас и большую, но Маяковский не захотел. Он говорит, что он глас своего народа и разделит с ним все его нужды".

Нам открыла милая женщина, и Лили поручила меня ей. "У тебя хватит денег на извозчика?" — спросила Лилия перед уходом. "Да, спасибо", — ответила я, надеясь, что смогу самостоятельно дойти до дивана...

Мы должны были дожидаться результатов в раздевалке. Наконец нам вручили листочки, и я посмотрела в свой. Не приняли! На мгновение у меня все поплыло перед глазами. Не может быть! Не приняли после всего того внимания, которое они мне уделили?

Когда первый шок прошел, я снова взглянула на листочек. В нижней его части, в месте, отведенном для примечаний, было написано от руки: "Несомненно талантлива, но стиль явно петербургский и по-сему несовместимый с принятым в Большом театре". Слова были подчеркнуты.

Это была правда — стили различались. Петроградскому была свойственна большая чистота, классичность, меньше вычурности, подчеркивалась красота линий тела. В Большом же упор делался на технику и трюки. Между двумя театрами существовало давнее соперничество.

Подобные рассуждения, однако, меня не успокоили. Факт оставался фактом — меня не приняли, я не произвела такого впечат-

ления, которое заставило бы забыть различия стилей. Это было поражение, конец всех моих мечтаний. Снова у меня все поплыло перед глазами.

Поезд на Петроград отправлялся только на следующее утро, и меня страшила мысль о необходимости пережить длинный вечер и ночь. Как справиться с провалом? Как поведать отцу дурные вести?

Лилия и Маяковский были очень добры ко мне. Они старались утешить и ободрить меня, указывая, что впереди у меня целая жизнь, что невозможно предсказать дальнейшее развитие событий и что я не должна сдаваться. Опять мы сидели за столом с пыхтящим самоваром, Маяковский опять был по пояс голый, а Лили выглядела еще более красивой в зеленом кимоно. Брик не проявлял особого интереса к моим неприятностям — он сидел на диване, читая газету. Его коренастое тело со всех сторон окружали новые свертки, которые, очевидно, бросили туда этим утром.

Маяковский попросил посмотреть экзаменационный листок. Он взглянул на него и стукнул кулаком по столу.

"Моя девочка, — воскликнул он своим мощным баритоном, — Ты выиграла великую битву! Разве ж ты не понимаешь, что означают эти два слова "несомненно талантлива"?! Ты была среди своих врагов. Они не хотели тебя принимать! И все же эти останки прежних времен были вынуждены признать твой талант. Спор, который ты видела, был спором о тебе. Твои враги спорили из-за тебя, и это не поражение, а победа! Пошли, мы должны это отметить".

Он встал и повернулся к Лиле. "Моя красавица, я пойду одену на себя чего-нибудь. Я покидаю тебе и Брика на этот вечер и везу мою маленькую подружку в город".

Лили проводила его глазами до двери, а когда он вышел, разразилась веселым смехом.

"Все-таки он нечто! — воскликнула она. — Он искал приключения и нашел его".

Когда Маяковский вернулся, это было действительно "нечто". На нем был темный костюм, делающий его еще более высоким, красивое лицо свежесвыбрито, и выглядел он как победитель, вступающий на завоеванную территорию. Он предложил мне руку, а Лилия набросила мне на плечи красивую шаль. Брик опустил газету, мельком оглядел нас и вернулся к чтению.

Мы наняли извозчика, и Маяковский повез меня на экскурсию по городу, показывая мне всякие интересные места. При

более близком знакомстве Москва уже не показалась мне столь уродливой. Там были широкие улицы, интересные здания, много зелени и масса кустов цветущей сирени. Мы проехали Кремль со множеством золотых и мозаичных куполов, подобно бриллиантовым россыпям сверкавших в лучах заходящего солнца, и покатались вдоль зеленых вод Москвы-реки. Маяковский непрерывно говорил в своей напористой, энергичной манере, а когда решил, что я впитала достаточно информации, объявил, что мы готовы ехать в ресторан обедать.

Москва действительно опережала Петербург. Правительство, нуждавшееся в иностранной валюте, за несколько месяцев до того открыло порты для зарубежных судов, и в город уже потоком шли товары. В Москве было много магазинов, ларьков и уличных торговцев, и атмосфера в целом была ярче, чем в Петрограде.

Ресторан являл собой сочетание учреждения питания и ночного клуба и носил странное название "Нерыдай". Мы спустились по нескольким ступенькам и вошли в неярко, но симпатично освещенный зал, находившийся ниже уровня улицы. Кто-то брэнчал на гитаре, большинство столиков были заняты — русские обедают рано. Однако при виде Маяковского хозяин пришел в такое волнение и проявил такую решимость усадить нас на подходящее место, что тут же задвинул в угол столик, уже занятый двумя клиентами. Они, похоже, не возражали, а во все глаза смотрели на Маяковского и улыбались, очевидно счастливые оттого, что сидят так близко к нему. Все его узнали; дамы посылали ему приглашающие взгляды, мужчины подходили, чтобы пожать ему руку; хозяин был вне себя от гордости. Ни одна кинозвезда никогда не удостоивалась подобного поклонения.

Он заказал кавказское вино и налил немного мне, смешав с водой. Я призналась, что никогда прежде не пила вина, и он заверил меня, что это подходящий день для пробы. Он уделил мне все свое внимание, обсуждал мою ситуацию и всячески старался укрепить мой дух и стремление не сдаваться.

Обед был простой, но хороший — гораздо лучше, чем дома, — а затем на возвышение вышли два цыгана и затянули под гитару свои грустные мелодии. После нескольких песен они сделали перерыв, и тут к нашему столику протиснулась старуха с большой корзиной сирени.

"Нет, нет, матушка, — сказал Маяковский. — Спасибо, но это слишком просто. Моя маленькая подруга заслуживает большего". Он дал ей денег, но отказался взять цветы, несмотря на все ее просьбы.

Старуха шаркала по залу. Сентиментальность и какая-то примитивная галантность глубоко укоренены в русской натуре, и мужчины с радостью покупали цветы для своих дам. Вскоре старуха вышла с пустой корзиной.

"Ну, а теперь посмотрим", — произнес Маяковский, вставая. Он стал переходить от столика к столику, а я смотрела, как он разговаривал с людьми, протягивал руку, а затем дамы с тающими от восторга лицами вручали ему большую часть своих цветов, а то и все. К концу обхода его руки были полны веток сирени. Он принес их к нашему столику и на глазах у всех бросил мне на колени.

"Это тебе награда, моя девочка", — сказал он и сел рядом. Гул одобрения пронесся по залу. Люди улыбались. Я вцепилась в цветы, смущенная и взволнованная всеобщим вниманием. Я была на сцене, хотя и не на той, о которой мечтала, рядом с сидящим гигантом, беззаботно потягивавшим свое вино. Подле его величества я чувствовала себя королевой.

Когда мы подъехали к дому, было уже поздно. Я спрыгнула на землю и стояла у подъезда, зарывшись лицом в цветы и дожидаясь, пока он распахнется с возницей.

Вдруг прогремел выстрел, лошади отпрянули и заржали.

Я оторвалась от букета. Маяковский стоял рядом с экипажем. Дуло его пистолета смотрело в землю.

"Не бойся, — сказал он, засовывая оружие в карман брюк. — Я проверяю его каждый вечер, чтобы быть уверенным, что он не даст осечки". По его лицу пробежала тень страдания.

Я вспомнила этот эпизод годы спустя, когда он застрелился. Он оставил записку, перепечатанную в газете, и отец отправил мне вырезку в Америку...

...Больше всего меня расстроил постскриптум. Всего три слова: "Лилия — люби меня".

Перевел с английского В. НЕСТЬЕВ.